

Г.Т. Поленова

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ НЕМЕЦКОГО НОМИНАТИВА

Предлагается гипотеза происхождения склонения и, в частности, именительного падежа в немецком языке с позиций континентальной типологии. Отталкиваясь от современного семантически многозначного номинатива в немецком языке, автор прослеживает развитие категории падежа от праиндоевропейского состояния (нейтрального строя языка) до номинативно-аккузативного строя.

Поленова

Галина Тихоновна — докт. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Таганрогского госпединститута

© 2007 г. Г.Т. Поленова

В третьем номере журнала «Вопросы языкознания» за 2006 г. опубликована статья Г.А. Золотовой «О возможностях грамматической науки». Автор совершенно справедливо замечает, что «грамматическая наука переживает в последние десятилетия переходный этап, в поисках новых проблем, новых решений, новых направлений». Она подчеркивает ведущую роль семантики в лингвистических исследованиях [Золотова, 2006, с. 14]. Если раньше критерием языковых единиц служила дихотомия «форма/значение», то сейчас мы говорим о соотношении «значение, функция, форма», что примерно соответствует соотношению семантики, синтаксиса и морфологии. В этом ключе рассматривается ниже диахрония категории именительного падежа (ИП), номинатива в немецком языке.

Номинатив, *Casus Rectus*, *Nennfall*, (назывной падеж), падеж «синтаксического покоя», считается нулевым падежом по форме, падежом субъекта по функции и многозначным семантически.

Формально номинатив единственного числа имени существительного в немецком языке действительно не маркированный флексией или аффиксом падеж, но определенный артикль, указательное местоимение, прилагательное в составе именной группы, имея родовое окончание, выражают категорию ИП существительного аналитически, ср.: *der (dieser) Tisch* — ИП м.р., *das (dieses) Buch* — ИП ср.р., *die (diese) Frau* — ИП ж.р., *ein großer Tisch*, *ein interessantes Buch*. Однако грамматически однозначной является только форма мужского рода, так как формы

ИП существительных среднего и женского рода выражают и аккумулятив — винительный падеж (ВП).

С синтаксической точки зрения немецкий номинатив имеет две главные функции: субъекта и предикатива, ср.: *Der Zug fuhr langsam...* [Böll, 1989, s. 10] — Поезд шел медленно... *Dann mussten wir zum Arzt; der war ein Deutscher...* [Böll, 1989, S. 16] — Потом мы должны были (подойти) к врачу; он был немец...

Однако синтаксические функции ИП тесно связаны с его семантикой, обусловленной контекстом, который может сводиться к рамкам одного предложения или даже его части, если предложение сложное, как приведенные выше примеры Г. Бёлля; или целого абзаца, ср.:

(1) *Es wurde gerade hell, als wir an die deutsche Grenze kamen: links ein breiter Fluss (подл.), rechts ein Wald (подл.), an dessen Rändern man sogar erkannte, wie tief er war; es wurde still im Waggon; langsam fuhr der Zug (подл.) über zurechtgeflickte Gleise, an zerschossenen Häusern vorbei, zersplitterten Telegrafmasten.* (2) *Der Kleine (подл.), der neben mir hockte, nahm seine Brille ab und putzte sie sorgfältig.*

(3) „Mein Gott“ (экспр.), *flüsterte er mir zu, „hast du die geringste Ahnung, wo wir sind?“*

(4) „Ja“, *sagte ich, „der Fluss (подл.), den du eben gesehen hast, heißt bei uns Rhein (пред.), der Wald (подл.), den du da rechts siehst, heißt Reichswald (пред.) und jetzt kommt Kleve (подл.)“* [Böll, 1989, s. 9]. — Как раз рассветало, когда мы подъезжали к немецкой границе: слева (была) широкая река, справа лес, по опушке которого было видно, насколько далеко он уходил; в вагоне стало тихо; медленно шел поезд по починенным рельсам, мимо разбитых домов, расщепленных телеграфных столбов. Малец, сидевший на корточках рядом со мной, снял очки и стал их тщательно протирать.

«О Боже» — прошептал он мне, — «имеешь ли ты малейшее представление, где мы?»

«Да», — сказала я, — «река, которую ты только что видел, называется у нас ‘Рейн’, лес, который ты видишь справа, называется ‘Рейхсвальд’ — а сейчас будет Клефе.»

В приведенном отрывке представлены две основные (Gesamtbedeutungen), по Р. Якобсону, функции номинатива: подлежащее и предикатив (примеры 1, 4), и наряду с ними особый случай применения ИП (Sonderbedeutung): экспрессив, близкий по значению междометию (пример 3). Синтаксис и семантика здесь явно расходятся, так как подлежащее-грамматический субъект только один раз совпало с агенсом-субъектом (пример 2). В примере (3) номинатив оформляет компонент предложения, не включенный непосредственно в его тектоническую организацию подобно приложению, обращению, номинативу темы, ср.: (5) *...er hatte mir drei Monate lang klarzumachen versucht, dass ein Nationalist kein Nazi sei, dass die Worte Ehre, Treue, Vaterland, Anstand (приложение) nie ihren Wert verlieren könnten -...* (6) *...aber ich sagte die Zahl nicht,*

wandte mich ab und blickte nach draußen: die Landstraße mit den alten Bäumen: Napoleons Pappeln, Napoleons Ulmen... [Böll, 1989, S. 12–13].

Переведем пример (6): «... но я это число не назвал, отвернулся и стал смотреть за окно: проселочная дорога со старыми деревьями: наполеоновские тополя, наполеоновские вязы...» Здесь форма номинатива позволила автору сократить свое повествование и передать душевное состояние героя, возвращающегося из английского плена. В полном виде предложение после первого двоеточия могло выглядеть так: *Ich sah eine Landstraße mit alten Bäumen. Ich (er) kannte diese Napoleons Pappeln, Napoleons Ulmen.* Но это был бы уже аккузатив, и текст бы потерял свою напряженность.

Специфично употребление номинатива с союзами *als* и *wie*, ср.: *Als biographischer Erzähler steht es mir durchaus zu* (Th. Mann);... *infolge solcher Vorgänge wie die Erschießung des Arbeiters* (H. Mann).

Совершенно отступают от обычной семантики номинатива безартиклевые формы в парах слов, которые Й. Эрбен называет Ersatzkasus [Erben, 1966, S. 180], по О.И. Москальской, Gemeinschaftskasus или Nullform [Moskalskaja, 1983, S. 162], ср.: *Zwischen Affe und Mensch ist ein großer Unterschied; ein Mann von Herz und Humor.* Сюда относят также словосочетания типа: *zwei Sack Mehl, einige Glas Tee, eine Menge Leute*, а также: *Anfang Oktober, Ende August*; парные фразеологические сочетания типа: *von Mensch zu Mensch, mit Herz und Schwert, mit Mann und Maus, mit Kind und Kegel.* Подобным образом используется номинатив в словосочетаниях «родовое название + видовое название», например: *auf dem Gebiet Kybernetik, die Verkaufsabteilung Schreibwaren.* Г.Н. Эйхбаум считает такой номинатив падежом «синтаксического покоя» [Эйхбаум, 1996, с. 82]. На наш взгляд, приведенные примеры являются отголоском эпохи, когда никакого склонения еще не было.

Й. Эрбен приводит пример изолированного эмфатического номинатива, т.н. 'nominativus pendens': *Ein Kind von ihm, sie hätte es lieben können, wohl mehr als ihn* (M. Frisch) [Erben, 1966, S. 241].

Дополнительно следует отметить конструкции, именуемые «абсолютный номинатив», где существительное в ИП является одним из компонентов конструкции. Второй компонент представлен прилагательным, причастием II в краткой форме или предложным сочетанием со значением места, например: *Sie saß vor ihm, der Blick starr, die Wangen totenblaß.*

Приведенные примеры позволяют судить о прагматической значимости номинатива в немецком языке. Это, с одной стороны, выделенность в дискурсе (определенность, конкретность и данное), а с другой стороны, то, что называется «фокусом интереса» [Zubin, 1978], «прагматическим пиком (ПрП)», по Р. Ван Валин и У. Фоли. Последние авторы пришли к выводу, что именная группа (ИГ) в именительном падеже

в немецком элементарном предложении является ПрП. Частота ИГ в именительном падеже, относящихся к одному и тому же предмету, значительно превышает частоту ИГ в винительном и дательном падежах. «В немецком языке именительный падеж указывает на ПрП, и он как таковой играет фундаментальную роль в обеспечении связности текстов» [Ван Валин, У. Фоли, 1982, с. 394].

Таким образом, судя по приведенным данным, сфера употребления немецкого ИП все более расширяется. Еще в XIV в. не было, например, абсолютного номинатива. Конструкции «абсолютный аккузатив / номинатив» образовались в XV веке в подражание латинским подобным построениям [Schmidt, 1996, S. 347].

Вильгельм Шмидт рассматривает в своей «Истории немецкого языка» категорию склонения диахронически. Он поднимается от общеиндоевропейского состояния до ранненововерхненемецкого и прослеживает судьбу исходных согласного и гласного склонений до позднейших слабого и сильного склонений в немецком языке. Для общеиндоевропейского состояния он не отрицает существование корневой основы: «За исключением ‘корневого периода’, в котором голые формы основ (такие, как императив и вокатив) присоединялись друг к другу, — их следы еще можно усмотреть в древних словосложениях (лат. *agri-cola* ‘земледелец’, гот. *gasti-gôš* ‘гостеприимный’, двн. *bota-scaf* ‘послание’) — он (индоевропейский язык. — Г.П.) характеризовался флексией, т.е. склонением имени (существительные, прилагательные) и спряжением глагола» (там же, S. 41; перевод наш. — Г.П.). По О. Семереньи, в общеиндоевропейском существовало только одно склонение. «Однако еще в праиндоевропейском языке некоторые падежные показатели сливались с вокалическим исходом основы. И это слияние накладывало свой отпечаток на словоизменение в указанных классах... В конце основы могли находиться **все** (выделено нами. — Г.П.) согласные... Из гласных, напротив, в конце основы могли стоять только *i, u, o* и *ī, ū, ā*, но не *a* (*e* вместе с *o* объединены в одном классе, так называемом тематическом или *-o*-классе)» [Семереньи, 1980, S. 171], за ними следовали падежные показатели: ед. ч. ном. *-s, -ø*, акк. *-m* [там же, S. 170], например: скр. ном. *agnis* ‘огонь’, акк. *agnim*; лат. *manus* ‘рука’ — акк. *manum*; скр. *dyaus* ‘дневной свет, небо, небесное божество’ — акк. *dyām*. Мы выделили эти «слияния» и считаем их первичными дейктическими частицами (ДЧ), которые подробно рассмотрены нами на материале енисейских языков [Поленова, 2002]. Сравним мнение Ф. Бадера, что местоименные основы часто употребляются без флексии и что «наличие огромного числа местоименных частиц ставит под сомнение существующее представление об индоевропейском языке как о языке исключительно флективного строя... так как только *агглютинативной* (выделено автором) морфологией может

объясняться исходное отсутствие флексии у местоимений» [Бадер, 1988, с. 208]. Н.Н. Казанский считает, что в качестве необходимого материала для реконструкции категории падежа в праиндоевропейском нужно включать «наречные элементы» [Казанский, 1998, с. 112]. Это и есть ДЧ.

К. Шилдз признает для раннепраиндоевропейского состояния три семантических класса существительных: одушевленные, неодушевленные агенсы и неодушевленные [Шилдз, 1988, с. 227]. «Неодушевленные агенсы» — это те предметы и явления, которые одушевлялись древним человеком. О.А. Осипова, исследуя древнегерманские склонения, пришла к выводу, что согласные склонения обслуживали имена одушевленные, обозначавшие людей, отношения родства, животных, части тела человека и животных, растения и их части; реалии, тесно связанные с человеком или животным, явления природы. Она увязывает классифицирующие показатели-согласные с категориями определенности и посессивности [Осипова, 2007, с. 63, 76, 134, 241]. Гласные основы, по О.А. Осиповой, знаменуют становление категории рода [там же, с. 129, 172–173, 272]. Они же и корневые основы противопоставляли инактивные имена активным (согласные основы) [там же, с. 156–171; 197]. Первичные падежные показатели должны были возникнуть, согласно О.А. Осиповой, «в недрах» консонантного склонения. Консонантные основообразующие форманты в доминативном прошлом индоевропейских языков использовались в качестве показателей древнего падежа с широкими функциями [там же, 202]. Именительный падеж О.А. Осипова считает на том этапе немаркированным и употребляющимся в качестве объекта, на который направлено действие, «т.е. он выполнял функцию, противоположную современному именительному падежу. Иными словами, он не был падежом субъекта» [там же, с. 65]. Когда же именительный падеж начал играть роль падежа субъекта, т.е. активного падежа, он получил маркеры *-s*, *-r*, *-þ* [там же, с. 148, 241]. В целом О.А. Осипова делает вывод, что «употребление консонантных основообразующих формантов в древнегерманских языках отличается полифункциональностью: они служат в качестве маркеров одушевленности (активности), в качестве маркеров показателей древнего активного падежа, принадлежности и определенности» [там же, с. 272].

В.Г. Адмони отмечает в древневерхненемецкой (дрвн.) период переход от «старого индоевропейского трехчастного строения слова (корень — показатель основы или класса — окончание)», которое еще наблюдается в готском языке, «к двухчастной структуре (корень-окончание, в том числе и нулевое окончание)» [Адмони, 1963, с. 31]. Нулевое окончание именительного и винительного падежей в дрвн. характерно для гласных основ существительного, а также для основ на *-n-* во множ. числе и в среднем роде ед. числа. У основ на *-n-*

мужск. и женск. рода в ед. числе им. и вин. падежи разграничены (там же, 34), ср.:

Основа на *-a-*, м.р: N. гот. *dags*; дрвн. *tag*; ср. р: гот. *waurd*; дрвн. *wort*
Akk. *dag tag waurd wort*

Основа на *-n*, ж р: N. гот. *tuggo*; дрвн. *zunga*; ср. р: гот. *hairtô*; дрвн. *herza*

Akk. *tuggôn zungûn; hairtô herza*

Для наших выводов существенно замечание В.Г. Адмони, что «в единственном числе указательных местоимений и сильных прилагательных мужского и женского рода именительный и винительный падежи четко различаются: *der – den, diu – dia, die* [там же, с. 35]. Дальше, правда, В.Г. Адмони пишет о том, что у сильных прилагательных «могут быть обнаружены зародыши тенденций к образованию единой формы, общей для всей парадигмы... (краткая форма прилагательного)» [там же, с. 35–36]. Нам же представляется, что эта форма восходит к исходному периоду формирования частей речи, к периоду их синкретизма (см. [Поленова, 2002, с. 9–14]), как и существительные с коренной основой.

Отметим еще, что В.Г. Адмони обращает внимание на «сравнительно большое число слов, используемых в дрвн. в качестве служебных компонентов предложения. Наряду с широким употреблением различных форм указательного местоимения, имеется и большое количество неизменяемых служебных слов» [Адмони, 1963, с. 37]. Несколько далее автор пишет о том, что «знаменательные слова, в первую очередь существительные, сопровождались уточняющими служебными или просто местоименными словами в довольно большом количестве» [там же, с. 42]. Анафорически указательное местоимение превратилось в определенный артикль, а числительное со значением «один» — в неопределенный артикль. Сохранив синтаксические значения субъектно-предикатного и субъектно-объектного отношений, оппозиция номинатив / аккузатив нейтрализовалась в плане выражения. Произошел переход от средств флективной морфологии к синтаксическим способам их передачи [Москальская, 1977, с. 207].

Представляем свое видение истории ИП не только в немецком языке, но и в языках номинативно-аккузативного строя в целом. Если исходить из контенсивной типологии, сторонником которой мы являемся, то в германских языках, и шире индоевропейских, можно обнаружить следы всех типов строя языка: нейтрального, классного, активного, эргативно-посессивного, и номинативно-аккузативного (ср. [Климов, 1977, с. 291]).

Нейтральный строй — это корневой период (“Wurzelperiode”, по В. Шмидту, см. выше), остатки в дрвн: *man, fuoz, naht, burg, brust* и др. При нейтральном строе мы предполагаем наличие множества свобод-

ных односложных ДЧ со структурой *VC vs. CV* типа лат. *is, id*, нем. *es*, гот. *is, si, sa*. Трудно установить хронологическую глубину этого периода, предположительно, это ранний палеолит.

Далее следует классный строй, когда первичные нейтральные коренные основы, связанные с одушевленным миром, классифицируются с помощью консонантных показателей. Причем нужно иметь в виду, что понятие «одушевленное» охватывало не только людей и животных, но и духов, космос, явления природы, стихии, землю, небо, воду, огонь и др., что дало основание К. Шилдзу говорить о «неодушевленном агенсе» (см. выше). В социальном плане — это родоплеменной строй, матриархат, хронологически — палеолит. Здесь зарождается грамматика одушевленного; отмежевывается имя предмета или явления от названия действия, пользуясь классифицирующими ДЧ, которые в это время выступают как словообразовательные, а не словоизменяющие форманты. Сфера «человек» и все олицетворяемое представлены дейксисами *a* — важное, большое, далекое (тот, невидимый, *Der-Deixis*); *i* — близкое (*Ich-Deixis*), малое; *u* — сфера адресата (*Du-Deixis*) и «этот», занимающий среднее положение между *i* и *a*.

В конце классного периода матриархат сменяется патриархатом (неолит), на который язык реагирует переходом классного в активный строй. В это время зарождается склонение. Одушевленное теперь делится на активное, важное, действенное, сильное и пассивное, незначительное, инертное, слабое. Первое связано, прежде всего, с мужским началом, а второе — с женским. В сфере «одушевленное» появляются грамматические классы: мужской и женский, выраженные одним из согласных (ср. выше мнения О. Семереньи и О.А. Осиповой о роли согласных) в сочетании с гласными *a/i*. Свободное сочетание имени с определенными ДЧ выражает падежные отношения, соблюдая оппозицию «активный/инактивный», типа: *-is, -as, -us / -im -am, -um*.

Эргативно-посессивный строй соответствует, на наш взгляд, эпохе меди и далее бронзы, появлению личной собственности. Бывший активный падеж становится эргативно-посессивным, а инактивный — абсолютивом. В конце этого периода происходит грамматикализация субъектно-объектных отношений для бывших активных имен, т.е. вырабатываются специальная падежная форма субъекта и падежная форма объекта: номинатив и аккумулятив. Субъектные функции в раннеиндоевропейском берет на себя первоначально эргатив, а объектные абсолютив (см. примеры выше).

Номинативно-аккумулятивный строй характеризуется наибольшим абстрагированием грамматических показателей. Категория класса реорганизуется в категорию рода: мужской, женский и средний. ИП становится окончательно падежом субъекта и получает нулевой по-

казатель. Но даже в современном немецком языке грамматически однозначной является только падежная форма мужского рода, а формы ИП существительных среднего и женского рода выражают и аккумулятив (ВП), что является, как мы считаем, отголоском активного строя. Следы согласного склонения — грамматикализованных былых классификаторов, можно увидеть, как нам представляется, в падежных окончаниях определенного артикля мужского рода в единственном числе: *der, des, dem, den*, т.е. в синтаксическом выражении категории падежа.

Схематически типологическая диахрония немецкого падежа представляется в виде спирали, в основании которой находится нейтральный, изолирующий строй языка типа китайского и вьетнамского, где мог быть выражен только «тематив», — термин З.Г. Абдуллаева для даргинского языка [Абдуллаев, 1987, с. 134] — только синтаксическое выражение отношений между участниками ситуации.

Следующий виток — классифицирующий строй: всевозможное сочетание согласных-классификаторов с гласными-дейксисами, по-прежнему главенствует синтаксис. Будущий номинатив является ПрП, по Р. Ван Валин и У. Фоли.

При патриархате, соответственно — активном строе языка, грамматически оформляются два ряда параллельных форм имени: с показателями активности и инактивности (см. выше).

Четвертый виток — это эргативно-посессивный строй. Будущий номинатив играет роль агенса стивных, непреходных глаголов и пациенса переходных глаголов.

Последний виток спирали — номинативно-аккумулятивный строй. Немецкий язык осуществляет от древнего состояния до современного как бы возврат к синтаксической структуре в другом ее качестве. Приняв от общеиндоевропейского и общегерманского состояния высокую флективность существительных мужского и женского рода, см. выше готские примеры, древневерхненемецкий сохранил еще много служебных и местоименных слов, что создало базу для перехода от средств флективной морфологии к синтаксическим способам передачи падежных отношений.

Что касается диахронии семантики ИП, то он проделал путь от выражения любых отношений: номинативных, субъектных, вокативных, определительных, объектных, обстоятельственных до субъектно-предикативных. Архаические значения сохранили особые случаи употребления номинатива (*Sonderbedeutungen*).

Размер статьи не позволил нам привести многочисленные типологические данные, подтверждающие наши выводы, из кавказских, енисейских, тунгусо-маньчжурских и многих других языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев З.Г.* Проблемы эргативности даргинского языка. М., 1986.
2. *Адмони В.Г.* Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963.
3. *Бадер Ф.* Области индоевропейской реконструкции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. Новое в современной индоевропеистике / Под ред. Вяч. Вс. Иванова. М., 1988.
4. *Ван Валин Р., Фоли У.* Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 1982.
5. *Золотова Г.А.* О возможностях грамматической науки // Вопросы языкознания. 2006. № 3.
6. *Казанский Н.Н.* К реконструкции категории падежа в праиндоевропейском II // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. СПб., 1998.
7. *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
8. *Москальская О.И.* Типология системы падежей // Историко-типологическая морфология германских языков / Под ред. М.М. Гухман. М., 1977.
9. *Осипова О.А.* Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков. Томск, 2007.
10. *Поленова Г.Т.* Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Таганрог, 2002.
11. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
12. *Шилдз К.* Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. Новое в современной индоевропеистике / Под ред. Вяч. Вс. Иванова. М., 1988.
13. *Эйхбаум Г.Н.* Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб., 1996.
14. *Böll Heinrich.* Als der Krieg zu Ende war // Das deutsch-deutsche Lesebuch. Heine Allgemeine Reihe. Nr. 01/7818. Berlin, 1989.
15. *Erben J.* Abriss der deutschen Grammatik. Berlin, 1966.
16. *Moskalskaja O.I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 1983.
17. *Schmidt W.* Geschichte der deutschen Sprache: Ein Lehrbuch für das germanistische Studium: 7. Auflage. Stuttgart; Leipzig, 1996.
18. *Zubin D.* Discourse Function of Morphology // Discourse and Syntax / Ed. T. Givón. N.Y., 1978.